

Ф. К. Шлоссер

**История восемнадцатого столетия и
девятнадцатого до падения Французской
империи с особенно подробным изложением
хода литературы**

Том 7

УДК 93
ББК 63.3
Ф11

Ф11 **Ф. К. Шлоссер**
История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи с особенно подробным изложением хода литературы: Том 7 / Ф. К. Шлоссер – М.: Книга по Требованию, 2013. – 442 с.

ISBN 978-5-518-07369-2

ISBN 978-5-518-07369-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

	Стр.
мантизмъ.—1. Отношенія Гёте и Шиллера къ большинству публики	41
2. Фридрихъ и Августъ Вильгельмъ Шлегели и ихъ журналы.	50
§ 2. Замѣчанія о литературномъ движеніи, произведенномъ въ началѣ XIX столѣтія въ Германіи Шлегелями, идеальною философіею и романтизмомъ	62
Клинггеръ какъ беллетристъ	71
А. Французская литература.—Б). Общій взглядъ на паденіе декламаторско-реторической Французской литературы и на появленіе новой, съ тенденціею къ германизму и гегелизму.	85
В. Литература временъ имперіи, въ особенности ея отношенія къ возникновенію романтизма, процвѣтавшаго при реставраціи.	102
§ 3. Европа до Тильзитскаго мира.— А. политическія отношенія континентальныхъ державъ до Ясенной битвы	131
Б. Военныя событія до января 1807 года	153
В. Исторія военныхъ событій до тильзитскаго мира	184
Д. Тильзитскій миръ	198

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ГЛАВА II.

Съ Тильзитскаго мира до Шёнбрунскаго мира.

§ 1. Съ Тильзитскаго мира до войны съ Австріею въ 1809. — 1. Швеція, Данія и Турція.—Швеція до низложенія Густава IV.	207
2. Данія — Разбойническое нападеніе Англичанъ на Копенгагенъ	220
§ 2. Турецкія событія	226
А. Франція, Германія, Италія.—1. Александръ и Наполеонъ Самодержавіе и каролинговскіе замыслы Наполеона. Германія и Италія, обращаемыя во Французскія провинціи	240
С. Пруссія и Россія	273
Д.) Испанія и Португалія до мая 1809 г	290
§ 3. Отъ Австрійской войны 1809 г. до похода въ Россію въ 1812 гсду.—А. Германія до сраженія при Аспернѣ.—1. Политическія и дипломатическія интриги 1809 года	332
§ 2. Военныя дѣла до битвы при Аспернѣ	356
В. Германія и Франція до Шёнбрунскаго мира.—1. Военныя сцены въ Тиролю, Германіи и Польшѣ	367

	Стр.
С. Конецъ войны, Вальхеренская экспедиція. Тироль.—1. Конецъ войны.	388
2. Вальхеренская Экспедиція	400
3. Шёнбрунскій миръ и конецъ Тирольской войны	411

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ

ГЛАВА II.

- § 3. Отъ Шёнбрунскаго мира (1809 г.) до мая 1812.—А. Франція, Испанія, Швеція.—1. Измѣненіе всѣхъ Французскихъ учреждений.—Приближеніе къ формамъ старыхъ абсолютныхъ монархій господствомъ тайной полиціи, измѣненіемъ конституціоннаго устройства, брачными связями, титулами и церемоніаломъ 420
-

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ГЛАВА I.

ДО ТИЛЬЗИТСКАГО МИРА.

§ 2.

*Литература по отношенію къ развитію частной жизни Нѣмцевъ
Французовъ.*

A. НѢМЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

a) Общее вступленіе.

При изложеніи извѣстныхъ литературныхъ фактовъ, необходимомъ для достиженія цѣли, съ которою мы разсматриваемъ хошь событій, мы по прежнему преднамѣренно удерживаемся отъ всякаго притязанія на такъ называемую объективность и сообщаемъ только свои личныя впечатлѣнія и результаты нашихъ размышленій, которыя могутъ быть полезны, хотя не выдаются нами за руководство для другихъ и за высшую норму (1). Основаніе нашего взгляда заключается въ томъ, что съ 1787 года, когда Французы пре-

(1) Только по настойчивому требованію очень многихъ читателей, авторъ рѣшился помѣстить здѣсь замѣчанія о литературѣ въ этомъ періодѣ. Чтобы скорѣе кончить, онъ хотѣлъ было довести до 1815 года только политическую часть исторіи: во первыхъ потому, что все свое время долженъ употребить на окончаніе «Всемірной исторіи», во вторыхъ потому, что полагаеть, что многіе дѣльные люди изложили исторію новѣйшей литературы гораздо лучше, нежели можетъ изложить онъ, обязанный разсматривать вопросъ съ одной только стороны.

образовывали все свое государственное устройство и придавали своей вѣдшей жизни совершенно новый характеръ, Нѣмцы создавали новую литературу, совершенно отличную отъ литературы предшествовавшихъ десятилѣтій; Рейнгольдъ, потомъ Фихте и Шеллингъ и наконецъ Гегель, силой таланта и краснорѣчія, или діалектикой и ловкостью, успѣли утвердить въ школахъ господство новой энергической философіи и никто не станетъ отрицать, что она измѣнила тонъ нашей жизни, укрѣпила души, во время Французскаго ига, и дала совершенно новый характеръ поэзіи и прозѣ. Это заставляетъ насъ коснуться прежде всего различныхъ философскихъ стремленій, — хотя здѣсь и не мѣсто критиковать системы, или хотя бы просто углубляться въ сущность самой науки.

Происхожденіе и успѣхъ романтизма, Шлегелевской эстетики и даже юмористики Фридриха Рихтера, тѣсно связаны съ той философской маніей, которой въ теченіи долгаго времени была предана ученая часть Нѣмецкой націи. И романтизмъ и идеалистическая философія имѣютъ двѣ стороны. Они дѣйствовали чрезвычайно вредно, если смотрѣть на одну изъ этихъ сторонъ; — и очень благодѣтельно, если смотрѣть на другую. Они стали враждебны прогрессу только въ послѣдствіи времени, и потому здѣсь намъ надобно разсматривать ихъ только съ благодѣтельной ихъ стороны. Они произвели мощный прогрессъ, который можно хвалить или порицать, смотря по своему взгляду на вещи, и положили могущественную преграду распространявшемуся Французофильству и пошлости стремленій, направленныхъ исключительно къ одной только вѣдшности. Только послѣ появленія новой идеальной философіи въ Іенѣ, уничтожившей поклоненіе терминологіи Канта и его сухой систематикѣ, стали пользоваться заслуженнымъ уваженіемъ у націи сами Гёте и Шиллеръ; потому прежде всего мы должны припомнить состояніе Нѣмецкой философіи, въ то время, когда герцогство Веймарское считалось Атикой Германіи, а Іена Афинами философовъ.

Въ четвертомъ томѣ этого сочиненія мы сказали, что письма Рейнгольда и его статьи въ Виландовомъ «Меркуріѣ», и во время блестящаго успѣха лекцій Рейнгольда въ Іенѣ статьи Шюца во «Всеобщей Литературной Газетѣ», распространяли философію Канта съ такимъ успѣхомъ, что узнать ее сдѣлалось потребностью каждаго образованнаго Нѣмца. Не только студенты, но люди всякаго возраста собирались въ Іену изъ Германіи, изъ Даніи, съ Сѣвера, со всѣхъ концовъ Европы, — потому что сочиненія Канта были темны, а ученіе Рейнгольда считалось яснымъ. Онъ не создалъ своей собственной системы, но не безусловно держался Канта, по-

тому его ученіе въ шутку называли безыменной философіей. Рейнгольдъ потерялъ свое вліяніе. когда явился Фихте, въ которомъ энергія характера соединилась съ дарованіями глубокаго мыслителя. Это было неизбѣжно, потому что въ нравственной революціи, какъ и въ политической, — только очень энергическіе реформаторы или страшные шарлатаны могутъ увлекать массы. Потому Якоби съ своимъ знатнымъ виломъ и аристократическимъ, дамскимъ слогомъ ни мало не пользовался вниманіемъ публики и студентовъ.

О состояніи Нѣмецкой образованности въ это время (около 1787 г.), можно сказать, что устройство школъ тогда было уже нѣсколько улучшено. Но преподаваніе въ народныхъ училищахъ и домашнее воспитаніе уже страдали отъ теорій Руссо и Базедова, т. е. отъ утилитарной системы, отъ стремленія къ поверхностному многознанію, чѣмъ страдаютъ и до сихъ поръ. Гейне много сдѣлалъ для улучшенія ученаго образованія, но и въ немъ былъ нуженъ новый переворотъ для того, чтобы цѣль Гейне могла быть достигнута и чтобы вмѣсто глубокаго образованія явилось образованіе многостороннее. Этотъ переворотъ или новый успѣхъ умственной жизни Нѣмцевъ былъ произведенъ новой философіей, но ему содѣйствовали величественное зрѣлище Французской революціи, поэтическія и прозаическія произведенія Гёте и Шиллера, поэзія которыхъ достигла тогда полнаго развитія, а впоследствии крикливая дѣятельность Шлегелей и романтиковъ. Многостороннее, часто лишенное критической и грамматической мѣткости объясненіе древнихъ въ духъ Гейне и его учениковъ стало казаться недостаточнымъ. Ф. А. Вольфъ далъ ученому образованію новую форму, болѣе сообразную съ потребностями новой ступени просвѣщенія, которой достигли Нѣмцы. Фоссъ, переживши свою собственную поэзію, которая принадлежитъ періоду 1770—1790 годовъ, оказалъ тогда новую заслугу. Переводы древнихъ, сдѣланные имъ, нѣсколько тяжелы, но они познакомили Нѣмцевъ съ истинно Греческимъ духомъ, совершенно скрывавшимся отъ нихъ въ переводахъ Виланда, и показали, что въ древней поэзіи есть нѣчто такое, чего не искали и не находили въ ней Гейне и Виландъ.

Извѣстный археологъ Бёттигеръ, принадлежавшій къ кругу заслуженныхъ дѣателей Нѣмецкой литературы, собравшихся тогда въ Веймаръ, желая доказать, что этотъ городъ былъ тогда средоточіемъ Нѣмецкой цивилизаціи, сообщаетъ намъ въ своемъ Дневникѣ имена всѣхъ знаменитостей, жившихъ въ Веймарскихъ владѣніяхъ (теперь этотъ Дневникъ напечатанъ). Но мы не обольщаемся именами, потому что въ теченіе долгой жизни мы успѣли узнать, какъ легко составляется слава знаменитостей, и какъ легко она па-

даетъ. Переворотъ въ нашей литературѣ мы производимъ вовсе не отъ Веймарскихъ меценатовъ и, такъ называемыхъ, знаменитыхъ людей, которые собирались вокругъ нихъ, а совершенно отъ другихъ причинъ. Это требуетъ объясненія.

Мелочныя отношенія мелкихъ Нѣмецкихъ городовъ, дворовъ, резиденцій, рутина университетовъ, ихъ партій и мишурнаго блеска, тогда бы не дали развиться въ Германіи неподдѣльному величію истинной поэзіи и тому благородству ума, которое не колеблется, и не перегибъ чѣмъ не отступая, признаетъ одно идеальное, если бы не явились особенныя обстоятельства, которыя мы перечислимъ. Кто сомнѣвается въ этомъ, долженъ только прочесть переписку Гёте и Шиллера. Онъ увидитъ въ ней жалобы обоихъ великихъ людей на господствующій вкусъ, на высокоуміе, съ которымъ меценаты отзываются о статьяхъ журнала «die Hogen». Фридрихъ Шлегель въ «Атенеѣ» также рѣзко упрекаетъ этихъ знатныхъ поклонниковъ Коцебу, Ифландовъ, Музеусовъ и т. д., жаловавшихся на непонятность новой школы. Заслуга Веймарскаго правительства была скорѣе отрицательная, чѣмъ положительная. Въ этомъ легко убѣдиться, вспомнивъ литературныя аферы Виланда и Бертуха, и прочитавъ переписку профессора Шюца, сдѣлавшаго «Иезуцкую Литературную Газету» безъ-апелляціоннымъ судилищемъ книгъ; его переписка показываетъ, какъ раздавали литературную славу, какъ приобрѣтали ее, какъ торговали ею. Маленькіе Саксонскіе дворы давали свободу преподаванія и мысли;—между тѣмъ какъ въ Берлинѣ, Вѣльверѣ и Бишофсвердерѣ издали нелѣпый эдиктъ, служившій нормой для вѣры, а Лютерацкіе консисторіальные совѣтники курфюрста Саксонскаго требовали, чтобы философы преподавали по катехизису. Австрія при Леопольдѣ была наполнена шпионами, и каждый кто преподавалъ или думалъ въ духѣ императора Юсифа II, подвергался жестокому преслѣдованію. Въ Баваріи эксъ-іезуиты Карла Теодора ловили иллюминатовъ. Потому, тогдашняя журналистика имѣла Веймаръ и Іену если не средоточіемъ, то главнымъ источникомъ.

Ниже, мы перечислимъ философскіе журналы, распространенные въ Германіи систему Фихте, а потомъ Шеллинга, а теперь назовемъ другіе, которые происходили изъ Іены и Веймара, если и не печатались въ этихъ городахъ. О «Всеобщей Литературной Газетѣ» и «Нѣмецкомъ Меркуріѣ» мы уже упоминали. Впослѣдствіи явились: «Модный» журналъ Бертуха, «Лондонъ и Парижъ», «Новая Талія», «Часы» (die Hogen), «Адрастея» Гердера и «Аттичскій Музеумъ» Виланда; поэтическимъ журналомъ можно

назвать «Альманахъ Музъ», ежегодно издаваемый Шиллеромъ. Журналъ, имѣвшій наибольшее вліяніе на переворотъ Нѣмецкой беллетристики,—«Атеней» братьевъ Шлегелей, также редактировался въ Гейсѣ. Необходимость радикальной перемены во вкусѣ большинства публики лучше всего доказывается тѣмъ, что и въ Веймарѣ, какъ въ Берлинѣ и Мангеймѣ, Ифландъ, Коцебу, Юнгертъ, господствовали тогда на сценѣ, и даже ихъ вялые романы были народнымъ чтеніемъ, вмѣстѣ съ романами Лафонтена, Штарка и рыцарскими романами того времени. Даже такой человекъ, какъ Брандесъ, рассказываетъ намъ въ своей автобіографіи, что при дворахъ, славившихся своимъ вкусомъ, его любили и уважали какъ сценическаго писателя, хотя, по собственному признанію, онъ далеко уступалъ Ифланду и Экгофу какъ актеръ. Каковъ былъ господствовавшій вкусъ, на который такъ горько жалуется Гёте и Шиллеръ, всего лучше можно судить по разговорѣ Гёте о сочиненіяхъ Ифланда, сохраненному Бёттигеромъ въ *Literarische Zustände und Zeitgenossen*. Приговоръ Гёте вполне примѣняется ко всемъ любимымъ тогдашнимъ сценическимъ писателямъ и романистамъ. Всѣ ихъ произведенія страдаютъ качествами, которыя Гёте осуждаетъ въ Ифландѣ,—той же пошлостью, сантиментальностью и стараніемъ угодить ложному вкусу времени.

«Во всѣхъ произведеніяхъ Ифланда, говоритъ Гёте, есть два главные недостатка. Во первыхъ, всякое нравственное развитіе у него всегда врививается извнѣ, а не вырабатывается изнутри. Огъ этого и дѣйствіе въ его пьесахъ ненатурально, набито излишними безсвязными вставками. Комиссаръ Вальманъ въ «Приданомъ» много лѣтъ былъ свидѣтелемъ беспорядочнаго хозяйства своего брата, но только съ поднятіемъ занавѣса этотъ горячій человекъ раздражается, поднимаетъ крикъ и шумъ. Нѣтъ никакой причины, чтобы все это вдругъ начиналось, въ моментъ начатія пьесы. Точно также хирургъ Рихтеръ, въ «Мнимой заслугѣ» вдругъ принимается шумѣть и вводитъ порядокъ, между тѣмъ какъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ спокойно курилъ трубку у своего *amicus*, и вмѣстѣ съ нимъ смотрѣлъ на мнимыя старанія жены и дѣтей. Именно потому, что развитіе дѣйствія у него мотивируется случайно, извнѣ,—Ифландъ принужденъ вводить столько постороннихъ лицъ и столкновеній. Ими онъ старается мотивировать развязку».

О второмъ упрекѣ, которому Гёте подвергаетъ людей, въ то время писавшихъ пьесы и романы для большинства публики, можетъ быть слѣдовало исключительно упомянуть здѣсь, потому что онъ относится не къ области эстетической критики, какъ первый упрекъ, а касается непосредственно самой жизни.

Гёте говоритъ: «Иффландъ нездѣ противопоставляетъ натуру образованности. (Мы сказали бы, что онъ въ этомъ слѣдуетъ духу времени, когда общество мечтало вмѣстѣ съ Руссо, и въ дѣлѣ воспитанія слѣдовало системѣ Базелова, Кампе, Зальцмана, смѣшивая, по ихъ примѣру, образованность съ непорочностью). Потому, говоритъ Гёте, образованность у Иффланда вѣчно служитъ источникомъ всякой нравственной испорченности; чтобы исправиться, его герои постоянно возвращаются къ состоянію натуральности. Старый холостякъ отправляется въ свои помѣстья, и женится на крестьянской дѣвушкѣ. Поносить такимъ образомъ всякую образованность, значитъ становиться на совершенно ложную точку зрѣнія. Сценическому писателю, напротивъ, слѣдовало бы показывать, какъ образованность можетъ очищаться отъ всякаго искаженія, облагораживаться, дѣлаться прекрасною. Идиллическія сцены, которыя такъ нравятся въ пьесахъ Иффланда и Коцебу, составляютъ сладкую, но тѣмъ болѣе опасную для толпы мечту». Гёте тутъ прибавляетъ слова, характеризующія всю знатную публичку того времени:

«Иффландъ не виноватъ въ томъ, что дурно понялъ вліяніе образованности, и невѣрно очертилъ просвѣщенныхъ людей. Его наблюденія вѣрны,—его копіи сходны съ подлинниками. Подлинники, съ которыхъ онъ писалъ, виноваты въ томъ, что его пьесы плохи. Иффландъ копировалъ общество, какое видѣлъ въ Мангеймѣ при Карлѣ Теодорѣ. Образованность этого общества была карикатурой на истинное просвѣщеніе. Искусства и науки становились тепличными растеніями въ этой атмосферѣ дворовъ, ихъ кліевитовъ и любимцевъ. Отошедши отъ безчувственныхъ модныхъ куколъ, въ кругу которыхъ жилъ, онъ изобразилъ бы намъ совершенно другіе характеры, развилъ бы въ своихъ пьесахъ совершенно иныя идеи».

Послѣ того, что мы въ IV томѣ сказали о томъ, какъ обмельчала литература, и послѣ приведенныхъ нами словъ Гёте о вкусѣ такъ называемыхъ просвѣщенныхъ людей и произведеніяхъ писателей, которыми они восхищались,—мы не считаемъ нужнымъ доказывать, что философское и романтическое движеніе въ началѣ нашего столѣтія было прогрессомъ, новою ступенью въ національномъ развитіи. Почти циническая смѣлость трансцендентальныхъ философовъ, братьевъ Шлегелей и друзей ихъ, къ которымъ принадлежали авторы «Ксеній»,—была необходима при господствовавшей тогда пошлости направленія. Еслибы нужно было новое доказательство тому, его легко было бы найти въ драматическихъ работахъ и въ романахъ Юнгера. Почти все его пьесы относятся къ 1785—

1789 годамъ. Но переставъ писать для сцены въ то самое время, которымъ мы начинаемъ разсказъ, онъ остался любимымъ романистомъ публики. По одному заглавію его романовъ можно видѣть, что они были фабричными произведеніями. Наобно жалѣть о драгоценномъ времени, потраченномъ классами, для которыхъ писалъ Юнгеръ, на чтеніе произведеній, столь же пошлыхъ по языку, сколь жалкихъ по содержанію и остроумію. Первый изъ этихъ романовъ: «Гельдрейхъ Вурмзамепъ фонъ Вурмфельдъ» (это по мнѣнію Юнгера остроуміе) издавался съ 1781 по 1787 годъ. Последній: «Фрицъ, — комическій романъ» былъ напечатанъ въ 1796 году.

Б) начало литературнаго переворота и реформы нѣмецкой жизни, подъ влияніемъ гениальныхъ и оригинальныхъ писателей.

1

Начало дѣятельности Шиллера.

Въ наше время весьма много, и въ томъ числѣ нѣкоторыя замѣчательныя, писатели подробно излагали дѣятельность Шиллера и Гёте. Потому намъ можно говорить о ней весьма кратко; однако намъ должно будетъ коснуться вопросовъ, лежащихъ внѣ круга, которымъ мы хотѣли ограничиться. Мы считаемъ обязанностью, еще разъ напомнить, что говоримъ о литературѣ только для объясненія отношеній между литературными произведеніями и духомъ времени, а не для того, чтобы подвергать критикѣ содержаніе этихъ произведеній.

Въ IV томѣ этой исторіи мы упоминали Гёте, какъ метеоръ, который поднялся вмѣстѣ съ толпой писателей и поэтовъ, названныхъ Клопштокомъ и Лессингомъ, и всѣхъ ихъ затмилъ своимъ блескомъ. Дѣятельность Шиллера начинается въ періодъ, о которомъ мы теперь говоримъ, и потому намъ должно упомянуть о первыхъ его произведеніяхъ.

Мы до сихъ поръ только вскользь говорили о его дѣятельности до переѣзда въ Йену и теперь намъ тѣмъ необходимѣе вернуться къ ней, что первыя его драматическія произведенія имѣютъ къ политическимъ вопросамъ и къ тогдашнему положенію дѣлъ въ Германіи совершенно иное отношеніе, нежели позднѣйшія. Въ нихъ на каждомъ шагѣ съ юношеской смѣлостью высказывается негодованіе

благородной души противъ повсемѣстнаго тогдашняго стѣсненія свободы, противъ раболѣпства чиновниковъ и даже судей. Впоследствии Шиллеръ женился на дамѣ изъ дворянскаго сословія, и былъ вовлеченъ въ большой свѣтъ. Но и тогда онъ постоянно доказывалъ, что не всосалъ подобно Гёте съ молокомъ матери, эгоизма аристократическихъ круговъ.

Замѣчательно то, что Шиллеръ, бывшій прямой противоположностью Иффланду, и въ первыхъ своихъ произведеніяхъ, особенно въ «Коварство и Любовь» представившій въ ужасающемъ свѣтѣ нравы и привычки, господствовавшія въ Мангеймѣ и при Пфальцкомъ дворѣ, съ перваго раза понравился публикѣ на Мангеймской сценѣ, и при содѣйствіи самаго Иффланда, такъ что тотчасъ же всѣ заговорили о немъ. «Разбойники» были даны первоначально въ Мангеймѣ и талантъ, съ которымъ Иффландъ игралъ Карла Мора, пріобрѣлъ ему славу Нѣмецкаго Гаррика. Пьеса показывала, и впоследствии Шиллеръ подтвердилъ это своимъ трактатомъ «о цѣли драмы», что въ теоріи онъ слѣдовалъ идеямъ Дидро; но въ исполненіи онъ превзошелъ смѣлостью Шекспира. «Разбойники», полныя смѣлой, безстрашной поэзіи, были написаны прозой, потому что онъ раздѣлялъ тогда идею Дидро, что драма, будучи воспроизведеніемъ событій взятыхъ изъ ежедневной жизни, должна быть писана обыкновеннымъ языкомъ. Въ безконечномъ превосходствѣ его творческаго таланта надъ ученымъ его образованіемъ можно убѣдиться, сравнивъ языкъ дѣйствующихъ лицъ Шиллера съ его собственною рѣчью. Мы говоримъ здѣсь не о томъ, что ему недоставало знакомства съ Греками, котораго онъ и не пріобрѣлъ никогда,—мы говоримъ о недостаточномъ его знакомствѣ съ литературою природнаго языка, съ его грамматическими и просодическими правилами. Это замѣчаніе относится не лично къ Шиллеру, который какъ поэтъ стоялъ выше своего вѣка, а вообще къ степени развитія просвѣщенія въ то время. Читатель пойметъ насъ, если, взявъ первое изданіе «Разбойниковъ» (1781 года), сравнитъ предисловіе, гдѣ Шиллеръ говоритъ отъ себя, съ самой пьесой, гдѣ онъ, какъ поэтъ, выводитъ говорящими другихъ. Предисловіе отличается дурнымъ и вялымъ слогомъ, неправильностью рѣчи. Въ самой пьесѣ рѣчь и слогъ такъ сильны, что всеобщее негодованіе встрѣтило Плюмике, когда онъ осмѣлился передѣлать гениальное произведеніе для Берлинской сцены. по своимъ понятіямъ, то есть понятіямъ Берлинцевъ.

«Разбойники» имѣли огромное вліяніе на переворотъ, начавшійся въ нашей литературѣ съ 1790 года и произведенный Гёте, Шиллеромъ, трансцендентальной философій, Шлегелями и романтиками.